

Глава 8

Пусть Цуй Люй и чувствовал некоторую досаду, расставаясь с накопленным серебром, при мысли о грядущей грозе конфискаций всякая скупость мгновенно улетучилась. В конце концов, богатство осталось в семье, а не ушло в руки чужаков.

В его годы человек уже обретает ту ясность взора, когда мотивы и поступки окружающих видны как на ладони. Единственным, что Цуй Люй прежде считал незыблемым, была родовая казна — сокровищница, собиравшаяся поколениями предков. Он, как нынешний глава клана Цуй, считал своим священным долгом оберегать её, ставя эту ответственность выше собственной жизни. Сохранение рода, преемственность крови, тихая гавань в годы смут и процветание в эпоху мира — он помнил об этом каждую секунду.

Когда Великие Клань безраздельно правили в Цзянчжоу, Цуй Люй довел свое умение быть прижимистым до совершенства. Он настолько затянул гайки как внутри семьи, так и вовне, что вельможи за глаза называли его близоруким глупцом, не видящим дальше собственного носа. Что же касается сородичей, которых он лишал всяких излишков, то они скорее трепетали перед ним, чем почитали его.

Никто не знал, какими богатствами он владеет на самом деле, зато все были твердо уверены: даже если похитить его жену и детей, из этого скряги не вытянуть и ломаного гроша. Цуй Люй сам породил слухи, которые обсуждали до сих пор. Говорили, будто похитителям он ответил: «Жену я найду новую, сыновей еще нарожаю, а серебра вы не получите ни капли».

Весь город знал — в Хуйцзюй нет человека богаче него. Но готовность пожертвовать близкими ради золота лишь закрепила за ним репутацию невыносимого скупца.

Именно этот образ в прошлом позволял ему любыми, даже самыми суровыми методами принуждать сородичей к повиновению. За двадцать лет железной воли он приучил клан бояться его пуще тигра. Цуй Люй сам чертил границы, за которые его людям не позволялось выходить. Он проталкивал на чиновничьи должности людей недалеких и исполнительных, но стоило кому-то из одаренных юношей проявить амбиции, как глава находил сотню способов преградить ему путь, удерживая в родовых землях. Даже если кто-то хитростью умудрялся выбиться в люди, у Цуй Люя всегда оставался рычаг давления, заставлявший наглеца помалкивать.

Под его началом клан Цуй выглядел настолько невзрачно, что казалось, из него и капли масла не выжмешь. А поскольку знатные господа не любили тратить силы впустую там, где нечем поживиться, такая осторожность позволила роду Цуй пережить годы поборов, когда Великие Клань обирали народ до нитки.

Его маска «прижимистого богатея» оказалась на редкость удачной. Она была настолько убедительной, что даже его тайный совет, собранный из лучших умов клана, не выдержал и явился к нему за разъяснениями. Мудрецы решили, что старик лишился рассудка или попал под влияние старшего сына, раз решился на столь безрассудную щедрость.

Цуй Юаньши, ведя за собой целый караван с ценностями через весь уезд, невольно разнес весть о переменах в доме отца. Скрыть необычное поведение патриарха было уже невозможно.

Управляя столетним кланом, Цуй Люй не мог действовать в одиночку. Однако официальные старейшины и родственники были разобщены, и полагаться на них в серьезных делах не стоило. Поэтому еще в день вступления в должность главы он начал тайно воспитывать преданных людей. За двадцать лет ему удалось вырастить целую плеяду талантов — скрытую опору, которую он готовил для своего преемника.

Цуй Юаньши и не подозревал, что, пока он направлялся к старшей сестре Цуй Сюроун, в кабинете его отца открылась потайная дверь. Трое или четверо мужчин, которых Юаньши привык видеть молчаливыми и неприметными, теперь стояли перед Цуй Люем с живым, пронизательным блеском в глазах. Их лица были серьезны — они пришли проверить, не проявил ли наследник непочтительности к отцу и не замышляет ли чего дурного.

Официально Цуй Люй всё еще был болен и не принимал гостей, но на деле его силы почти восстановились. Встретив обеспокоенные взгляды верных людей, он жестом указал им на стулья.

— Цуй Чэн уже доложил мне о делах за последние полгода, — проговорил он, стараясь говорить спокойно. — Вы справились отлично. Не поддались панике, не позволили чужакам разнюхать лишнего. Вы сохранили нашу главную тайну, а значит, сберегли корень нашего рода. Вы — истинные сыны клана Цуй.

Мужчины тут же поднялись и склонились в глубоком поклоне, лица их выражали искреннее смущение.

— Второй господин действовал с нашего молчаливого попустительства, — ответил один из них. — Нам жаль, что Юаньши пришлось пережить столько тревог, а Чжунхао ввязался в это грязное дело. Старший господин, мы проявили недальновидность, раз позволили домашним дрязгам беспокоить вас.

Цуй Люй махнул рукой, веля им сесть, и задумчиво потер колено.

— Если бы я пролежал без чувств полгода, а в семье и делах царил идеальный порядок, это бы как раз и вызвало подозрения. Наш уездный судья, господин Чжан, хоть и кажется тихим, человек ученый и хваткий. Уверен, он только и ждал момента, чтобы прибрать к рукам всё наше достояние. Избавившись от «местного тирана», он бы обеспечил себе славу и почет до конца дней. Чжан вовсе не так добродушен, как хочет казаться. Вы поступили мудро: упустили малое, чтобы сохранить великое. Драка между моим братом и вторым сыном показала внешнему миру, как плохо я управлял делами. Смертельный удар, нанесенный близкими людьми, — вот во что охотнее всего верят те, кто хочет поживиться за чужой счет. Я знаю, скольких трудов вам стоило не выдать истинную силу клана. Спасибо вам за это.

Под его началом была сотня дворов соплеменников и почти тысяча арендаторов. Если бы кто-

то намеренно начал подстрекать их к бунту, никакой авторитет и никакая стража не смогли бы сдержать толпу, жаждущую дележа имущества.

Но теперь Цуй Люя беспокоило иное.

Он задумчиво повертел в руках крышку чайной чашки и после долгого молчания произнес:

— В истории нашего рода есть тайна, которую каждый глава клана хранит в своем сердце до самого конца...

В своих видениях Цуй Люй помнил, как его второй сын, добившись чинов, изо всех сил старался выслужиться перед знатным столичным домом. Тот бесстыдно признал себя их «младшей, побочной ветвью», а старший сын, Юаньби, под давлением обстоятельств был вынужден смириться с ролью прихлебателя при великом роде.

Лицо Цуй Люя окаменело.

— В столице сейчас процветает знатный дом под фамилией Цуй. Родом они из Цинхэ. У них много чиновников, они связаны узами брака со всеми великими семьями и мнят себя единственной «чистой» кровью Цуй в Поднебесной. Всех прочих они считают лишь жалкими бастардами и побочными ветвями... Они используют нас как слуг, как рабов, прикрываясь родством.

Собравшиеся недоуменно переглянулись. Для них фамилия Цуй была повсеместной — были богатые, были бедные, но они жили в своем захолустье и никогда не задумывались о «высоком происхождении».

Цуй Люй продолжил:

— Клан Цуй из Цинхэ, безусловно, велик. Но и наш род из Болина — не сухая ветка. Мы — прямые потомки старшей линии клана Цуй из Болина. Мы — кость от кости этого древнего рода, точно так же, как и ветвь из Цяньцзяна. Сто лет назад, до того как мы разошлись в разные стороны, мы с Цинхэ молились в одном храме предков. Но пути наши разошлись из-за споров о престоле. Цинхэ не могла оставить своих амбиций и жажды власти, а наши предки из Болина хотели лишь мирной жизни. Правила воспитания в семьях стали разными, мы отдалялись друг от друга, пока не стали чужаками.

Пришедшие мужчины не занимали высоких постов в клане, но именно они втайне от всех помогали Цуй Люю управлять его активами. Они и раньше подозревали, что их род не так прост. Чтобы основать лучшую в уезде академию, недостаточно быть просто богатым помещиком. Никто, кроме них, не знал, что в закрытой библиотеке Цуй Люя хранятся тысячи книг, среди которых есть бесценные свитки столетней давности. Те книги, что были в академии, были лишь жалкой крупичей этого богатства.

Оказалось, они — потомки великого рода, чье имя может потягаться с самыми знатными семьями столицы.

Взгляд Цуй Люя стал жестким. Пальцы, сжимавшие чашку, побелели, на руках вздулись вены.

— Предки предпочли уединение, чтобы не быть втянутыми в кровавую борьбу за трон. За столетия клан в Цинхэ грабили, казнили и преследовали, но они выстояли, собрав все силы вокруг главной ветви. Чтобы восстановить величие, они начали поглощать побочные и слабые роды, выдавая их за своих, чтобы казаться многочисленнее. Как глава клана, я могу понять их желание укрепить род любым способом. Но как глава СВОЕГО клана, я никогда не допущу, чтобы нас топтали и унижали те, кто мнит себя нашими господами...

Да, любой вожак, на которого возложена миссия сохранить род, пойдет на всё. Если бы Цуй Люй стоял во главе Цинхэ, он бы тоже пожирал слабых ради величия сильных. Но теперь, когда он сам оказался на месте добычи, он готов был драться до последнего вздоха, лишь бы не отдавать судьбу своих людей в чужие руки.

Это был долг. Бремя, которое несла в себе его кровь.

Крышка чашки с резким стуком опустилась на фарфор, и этот звук прозвучал в тишине как удар гонга.

— Отныне наш род Цуй из Болина больше не будет прятаться и искать забвения! — громогласно объявил Цуй Люй. — Каждый из наших людей, обладающий талантом — будь то в науках или в военном деле — должен заявить о себе. Все расходы на обучение, связи и продвижение возьмет на себя клан. Приходите и берите, сколько потребуется.

В своих видениях он видел, как Цинхэ подтолкнула его сына к гибели, зная о надвигающейся беде, но не предупредив. Они принимали подношения, но в решающий час остались в стороне.

«Вы обманули моего сына, воспользовавшись его неведением о наших корнях. Вы заставили его склонить голову и отдать вам наши богатства, а когда пришла беда — просто наблюдали за казнью. Мне плевать на вашу нынешнюю славу и ваши чины. Отныне мужи Болина сами проложат себе путь к власти».

Пусть это и шло вразрез с волей предков, но, когда он предстанет перед ними в ином мире, ему будет что ответить на их упреки. Он всего лишь искал спасения для своей семьи.

Клан Цуй из Цинхэ всегда был в чести у императоров. Их безупречное имя и накопленные за века богатства позволяли им пожинать плоды всеобщего признания. Цуй Люй не знал, кто именно из их ветвей втянул его сына в эту ловушку, но он решил: за всё ответит их нынешний глава.

За грехи детей платят родители, за ошибки верхов — весь род. Ему нужен был враг, на котором сойдется весь его гнев.

Люди в комнате замерли, боясь поверить собственным ушам. Спустя долгое время один из них, Цуй Юаньчи, едва слышно переспросил:

— Дядя, вы это серьезно?..

Раньше Цуй Люй свято следовал завету предков: «Скрывай свой блеск». Он позволял выходить в свет лишь тугодумам, и не потому, что любил их больше, а потому, что такие люди не привлекают внимания и не навлекают бед. На мелких должностях они служили его «глазами и ушами», не делая великих дел, но и не давая главе клана остаться в неведении.

Другой причиной была острастка. Он хотел показать молодым и дерзким, каких именно людей готов поддерживать — тихих и покорных. Тех же, кто пытался пробиться умом и хитростью, он подавлял в самом зародыше. Цуй Люй «ненавидел» всякого, в чьем взоре читался живой интеллект.

— Раньше я сдерживал вас, запрещая участвовать в экзаменах. Я заставлял вас казаться «бесполезными» в глазах клана, вынуждал терпеть попреки в трусости и никчемности... Да, это была воля предков — не высовываться. Но я и сам слишком закоsnел в этих мыслях. Теперь же времена изменились. Новая династия только встает на ноги, император хочет опереться на мелкое дворянство и простой народ. Новые правила экзаменов, разделение наук на разные направления — теперь даже простому человеку открыты двери к знаниям. Если вы еще не слышали об этом, идите и разузнайте. Новые экзамены императора больше не требуют лишь изящных сочинений. Арифметика, ремесла, мастерство зодчих и плотников — всё это больше не считается «низким» делом. Лучшие из лучших получают место при дворе и даже личную аудиенцию у государя. Есть и военная наука — даже если ты просто умеешь быстро бегать, преодолевая по пятьсот ли за раз, ты можешь стать разведчиком и получить офицерский чин... Наш нынешний император — истинный сын Неба, получивший мандат...

Цуй Люй поглаживал колени, глядя в сторону столицы. Он не знал, как правильно оценить нового правителя, но понимал одно: столкновение старого и нового, реформа экзаменов наперекор воле великих домов — всё это началось именно в эпоху Сюаньхэ. Многие нынешние богачи поднялись именно на этой волне. Раз уж он увидел этот шанс, как он мог не воспользоваться им для своих потомков?

Книги по ремеслам, переданные ему предками, и даже основы математики — всё это теперь могло стать пропуском в великое будущее.

Любому клану нужны ученые мужи, но Цуй Люй слишком долго подавлял своих людей, и теперь у него не было времени ждать, пока дети подрастут и выучат каноны.

Но была и радостная весть: в его роду не было неучей. Пусть тех, кто мог бы сдать классический экзамен, было не больше, чем пальцев на одной руке, зато таких, как его

младший сын — любителей механизмов и всяких «хитроумных штук», — было предостаточно. Дай им направление, и через пару лет они станут мастерами, достойными министерства работ. Когда император подавит сопротивление аристократов, эти новые ведомства расцветут, и его люди, заняв там места заранее, окажутся в самом центре событий.

Перед Цуй Люем открылся новый путь. Раньше он видел лишь узкую тропу классической службы, но теперь, глядя на своих верных помощников, он разглядел «короткую дорогу».

— Юаньчи, я помню, арифметика давалась тебе лучше, чем Конфуцианское Четверокнижие? — внезапно спросил он, обернувшись к племяннику.

Тот опешил, но кивнул:

— Да... Учитель тогда еще ругал меня, говорил, что я занимаюсь чепухой, и запрещал прикасаться к счетам.

Лишь позже, когда Цуй Люю понадобилось тайно вести учет своих дел, таланты Юаньчи пригодились по-настоящему.

Цуй Люй одобрительно кивнул:

— В библиотеке есть книги по сложной арифметике, найди их и изучи досконально. После Нового года двор введет новые испытания для счетоводов. Может, ты и не станешь первым среди знатоков канонов, но в науке о числах тебе не будет равных. Ты сможешь войти в тройку лучших в стране. Это великое будущее, Юаньчи. Ты веришь своему дяде?

«Не спрашивай, откуда я это знаю. Просто скажи — веришь ли ты мне?»

Цуй Юаньчи замер. Он вцепился в подлокотники кресла, пытаясь встать, но ноги не слушались его. Наконец он просто сполз на пол и упал на колени у ног Цуй Люя.

— Дядя, я верю вам! Пусть другие говорят о вас что угодно, я всегда знал, что в вашей груди сокрыта великая мудрость. Вы вовсе не такой ограниченный и упрямый, каким хотите казаться... Дядя...

Лицо Юаньчи покраснело, он готов был ударить себя по лицу. Он сидел, понурился плечи, как напроказивший ребенок.

Его переполняли чувства. Он уже смирился с тем, что проживет жизнь «никчемным человеком», и вдруг его дядя открыл перед ним широкую дорогу, способную изменить саму судьбу.

Остальные смотрели на Цуй Люя с тем же восторгом, ожидая своего слова.

Если бы они могли открыто служить своему роду, доказать родителям, что они не пустое место... За это они готовы были отдать всё на свете! Кто захочет «идти в парче по ночному лесу», когда можно принести славу своему дому и заставить родителей улыбаться от гордости?

Пока Цуй Люй давал советы каждому, исходя из их талантов, в дверях поспешно появился Цуй Чэн. Он поклонился хозяину и негромко произнес:

— Господин, вернулся старший молодой господин с вашей старшей дочерью. А вместе с ними прибыл и второй зять.

«Значит, второй зять всё же понял намек с землей», — подумал Цуй Люй. Оставалось лишь узнать, с какими намерениями он явился.

<http://bllate.org/book/16118/1582118>